Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 59–66.
Magistra Vitae. 2026;11(2):59-66.

Научная статья

УДК 94

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-59-66

Образ канадской нации в работах историков «лаврентийской школы»

Ольга Викторовна Ильина

Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одарённых детей, Челябинск, Россия, maplerenard@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-9013-4939

Аннотация. В связи с получением Канадой статуса доминиона Британской империи в 1867 г. многие общественные деятели начали рассматривать рост её самостоятельности как постепенную, но неизбежную перспективу. В последней четверти XIX в. общепризнанным основанием для претензии страны на государственный суверенитет стало наличие у неё собственной нации, процессы формирования которой начали происходить в доминионе. При формировании основ национального самосознания канадские общественно-политические круги столкнулись с необходимостью решения ряда задач, среди которых налаживание коммуникации между регионами обширной территории, преодоление межэтнических противоречий, формулирование принципиальных отличий от национальных сообществ Великобритании и США. Решение этих задач способствовало развитию комплекса представлений о канадской нации, включавшее в себя источники, факторы и основные этапы формирования социокультурного облика её представителей. Заметный вклад в создание образа канадской нации в 1920–30-х гг. внесли представители историографического направления, получившего название «лаврентийская школа», так как первоначальным объектом их исследований было хозяйственное освоение долины реки Святого Лаврентия европейскими переселенцами. Рассматривая историю Новой Франции и Британской Северной Америки с точки зрения политэкономии, историки данной школы определили в качестве ведущего фактора процесса формирования национального сообщества организацию трансатлантической торговли пушниной. По их мнению, это коммерческое направление сформировало принципы освоения новых территорий, включавшие использование опыта коренного населения, и особенности общественных институтов, не уступавших уровню политического развития метрополии. Всё это в комплексе обуславливало черты национального характера, среди которых «лаврентийцы» выделяли законопослушность и демократизм, терпимость, упорство, склонность к сотрудничеству и практичность.

Ключевые слова: Канада, национализм, национальная идентичность, лаврентийская школа

Для цитирования: Ильина О. В. Образ канадской нации в работах историков «лаврентийской школы» // Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 59–66. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-59-66

Original article

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-59-66

The image of the Canadian Nation in the works of historians of the Laurentian School

Olga V. Ilina

Chelyabinsk Regional Boarding School for Gifted Children, Chelyabinsk, Russia, maplerenard@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-9013-4939

Abstract. After Canada gained the status of a dominion of the British Empire in 1867, many politicians began to consider the growth of its independence as a distant but inevitable prospect. The generally recognized basis for the country's claim to state sovereignty in the last quarter of the 19th century was the existence of its own nation, the formation process of which began in the dominion. The process of forming national identity forced the Canadian political community to face the need to solve a number of tasks, including creating communication between regions of a vast territory, overcoming ethnic contradictions, and formulating fundamental differences from the national communities of Great Britain and the United States. The search for answers to these questions contributed to the development of a set of ideas about the Canadian nation, which included sources, factors and the main stages of the formation of the social and cultural image of its representatives. A significant contribution to the creation of the

© Ильина О. В., 2026

image of the Canadian nation in the 1920s and 1930s was made by representatives of the scientific school, called the “Laurentian school”, since they researched first the economic development of the St. Lawrence River Valley by European settlers. Considering the history of New France and British North America from the point of view of political economy, historians of this school identified the organization of the transatlantic fur trade as a leading factor in the formation of a national community. In their opinion, this commercial activity formed the principles of the development of new territories, which included the experience of indigenous communities, and the features of public institutions that should correspond to the level of political development of the metropolis. These factors determined the national character traits, among which the “Laurentians” emphasized law-abiding and democracy, tolerance, perseverance, a tendency to cooperate and practicality.

***Keywords**:* Canada, nationalism, national identity, Laurentian school

For citation: Ilina OV. The image of the Canadian Nation in the works of historians of the Laurentian School. *Magistra Vitae*. 2026;11(2):59-66. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-59-66

Введение

Британские владения в Северной Америке первыми получили статус доминиона в 1867 г. Это событие пришлось на период распространения национализма, неотъемлемой частью которого была идея о том, что в основе суверенного государства должна лежать нация. Поэтому общественно-политические деятели Канады второй половины XIX в. считали залогом благополучия и успеха доминиона в том числе развитие национализма, способного консолидировать обширные территории с полиэтничным населением и реализовать их экономический потенциал. Рука об руку с распространением этой политической идеологии шёл процесс ускоренного формирования образа молодой нации представителями интеллектуальных элит. В ходе активных дискуссий они предпринимали попытки определить статус своего национального сообщества относительно уже сформировавшихся в Великобритании и США, обсуждали его отличительные особенности и перспективы развития. Во многих из них всё сводилось к простому по форме, но сложному по сути вопросу: что значит «быть канадцем»? Что в личности конкретного человека можно считать отражением его национальной идентичности?

Развитие канадской историографии

Англоязычные историки вплоть до начала XX вв. не предпринимали активных попыток сформулировать социокультурную характеристику представителей канадской нации. Хотя в публицистике и художественной литературе второй половины XIX в. с энтузиазмом обсуждали специфические черты национального характера и факторы, обусловившие его формирование [Нохрин, 2014, с. 80–92]. Исследователи же предпочитали, в соответствии с методологическими тенденциями того времени, концентрироваться на событиях общественно-политической жизни в форме фактов, позволявших конструировать самодостаточный нарратив истории доминиона. Кроме того, им было просто невыгодно выходить за данные рамки, так как это отрезало бы возможность подпитывать чувство национальной гордости и ощущать престиж за счёт принадлежности к «англосаксонской расе», а значит и метрополии мощной Британской империи. Придерживаясь идеи тесного «родства» между британцами и канадцами, англоязычные историки в своих работах уделяли минимальное внимание участию в нациестроительстве жителей Квебека, а представителей коренного населения и мигрантов иной этнической принадлежности по возможности игнорировали.

Франкоканадские авторы придерживались иной точки зрения. Они уже дистанцировались от европейской прародины, которая изначально не выказывала интереса к их судьбе и претерпела значительные социокультурные изменения с конца XVIII в. Англоязычных переселенцев и их потомков, в свою очередь, считали британцами, аргументируя это их имперским патриотизмом и привязанностью к Великобритании, тогда как для квебекцев североамериканский доминион выступал единственной родиной и объектом лояльности [Нохрин, 2018, с. 60–71]. Поэтому под «канадцами» франкоговорящее население понимало только себя — потомков первых колонистов, на которых в большей мере повлияла необходимость противостоять суровой природе и иноэтничному окружению, чем довольно быстро утраченная связь с прародиной. Отправной точкой характеристики представителя нации были французский язык, католическая религия и приверженность традиционному хозяйственному укладу [Акимов, 2020, с. 227].

Таким образом, к началу XX в. обе доминировавшие этнические общности вели речь о канадской нации как об объективно существовавшем феномене, но в разном ключе. Франкоканадцы концентрировали усилия на сохранении собственной идентичности вопреки численному меньшинству, тогда как англоканадцы осмысляли перспективы развития сообщества для достижения конкурентного уровня политического и экономического развития по отношению к другим британским доминионам. Вследствие этого в центре общественной дискуссии оказались такие темы, как взаимодействие имперской и национальной идентичностей, возможность формирования более консолидированной общности из регионально обособленного полиэтничного населения, а также оптимальная модель «канадианизации» в условиях активной миграционной политики [Кукушкин, 1999, с. 109–116; Соков, 2016, с. 107–112].

Последствия Первой мировой войны положили начало следующему этапу развития национализма в Канаде, отличавшемуся неуклонным снижением имперского патриотизма и ростом популярности идеи расширения автономии доминиона соразмерно уровню его политико-правового и хозяйственного развития [Грудзинский, 1996, с. 258–260]. Совместное преодоление тягот военного времени в тылу и на фронте способствовало осознанию жителями разных регионов обширной страны себя как сообщества, обладавшего собственными национальными приоритетами, которые могли расходиться с интересами метрополии. В идейном пространстве доминиона был достигнут консенсус касательно того, что канадец — это гражданин Канады, для которого общественно-политическое, экономическое и культурное развитие североамериканской родины было важнее имперской солидарности, вне зависимости от этнической принадлежности.

В 1920–1930-х гг. Канада переживала пору активного идейно-политического развития, результатом которого стало продолжение роста политической автономии и международной самостоятельности. Это обусловило новый виток интереса к теме национализма в общественных дискуссиях и научных исследованиях. Переосмыслению подвергались многие утратившие актуальность и привлекательность категории и идеи, включая «дочерний» статус относительно «англосаксонской расы» и тесную связь с ней, поскольку метрополия не смогла предложить новой модели взаимоотношений, сочетавшей собственное лидерство и интересы наиболее активно развивавшегося доминиона.

Вместе с представлением о Канаде как «британской нации» уходил в прошлое и характерный образ принадлежавшего к ней в первую очередь как покорителя новых рубежей, несущего «белую» цивилизаторскую миссию, не совместимый с гражданской формой национализма. Первоначально образовавшееся отсутствие «лица», человеческого воплощения молодой канадской нации пытались компенсировать, обращаясь к образам природы. Один из ярких примеров — Группа Семи или Алгонкинская школа, активное в это десятилетие сообщество художников-пейзажистов, черпавших вдохновение из самобытной, суровой и впечатляющей природы страны [Ерёменко, 2018, с. 61].

Но персонифицированные образы являлись одним из важных символических атрибутов национального сознания, выступая в качестве морально-нравственных ориентиров и доступных для широкого понимания примеров, обращённых к эмоциональному восприятию. По причине мирного, размеренного характера предшествовавшей истории и сформировавшихся социальных норм, которые канадцы считали частью своей идентичности[1], не нашлось достаточного количества общепризнанных выдающихся личностей, мифологизируя которых можно было бы создать своеобразный «пантеон». Но, даже если не удалось сконструировать «лицо» Канады посредством образов персонального героизма, оставалась возможность выявления положительных черт общенационального характера путём осмысления коллективной самоотверженности и её достижений.

Формирование «лаврентийской школы»

После дистанцирования от Великобритании, закономерной стала интенсификация отношений с Соединёнными Штатами — единственным континентальным соседом с протяжённой сухопутной границей, давним торговым партнёром, сотрудничество с которым существенно усилилось за годы войны. В 1920-х гг. к этому добавилась

[1] Примером может служить продолжавшаяся в 1920-х гг. на парламентском уровне дискуссия о допустимости присвоения канадцам наследственного пэрства и рыцарства. В ходе неё в качестве аргумента против использовались в том числе суждения о несоответствии такой практики более демократичному характеру устройства общества в Канаде по сравнению с Великобританией.

официально декларируемая ориентация на США во внешнеполитических вопросах [Соков, 2007, с. 92]. Ранее обусловленная прагматичным фактором географической близости, она приобрела новое измерение в результате подписания в 1923 г. Конвенции о регулировании промысла палтуса — первого международного соглашения, заключённого Канадой с государством вне Британской империи без посредничества Лондона.

На фоне этого шёл неуклонный рост влияния американской культуры разных видов: от активнее проникавшего во все провинции массового сегмента до идей в академической среде. Последнему способствовал интерес к обучению в университетах США, хотя в довоенный период канадцы в большей степени стремились попасть в учебные заведения метрополии. Опыт премьер-министра Уильяма Лайона Макензи Кинга, получавшего образование в Чикагском и Гарвардском университетах, постепенно переходил из категории скорее исключения, основанного на личных предпочтениях и интересах, к распространённой практике. Особенно среди заинтересованных не в классических, а современных прикладных дисциплинах, таких как социология и экономика. В их число вошёл Гарольд Иннис, получивший в 1920 г. степень в Чикагском университете.

Иннис стал известен в Канаде и за её пределами (что было редким явлением для того времени) в первую очередь как специалист в области политэкономии, изучавший взаимосвязь между общественным развитием и обуславливавшими его экономическими процессами. За время жизни в США он заинтересовался методологическими подходами, концентрировавшимися на осмыслении конкретных процессов и явлений экономической жизни с выведением закономерностей на их основе, в отличие от ранее распространённых попыток формулирования универсальных абстрактных постулатов. Там же исследователь познакомился с «теорией фронтира», которая продолжала бытовать в американской научной среде, хотя и подвергалась критике. Идея о том, что фронтир оказывал значимое влияние на осваивавших территорию, обеспечивая интенсивное взаимодействие с природной средой и населением, имела определённый потенциал для истории Канады, в оформившемся нарративе которой Иннис черпал материал для своих проблемных исследований.

Наибольшее влияние на последующую национальную историографию оказала его работа «Торговля мехом в Канаде: введение в канадскую экономическую историю»[2]. Много путешествуя в поисках архивных документов, статистических сведений и эмпирических данных, позволявших лучше понять предмет изучения, автор досконально описал процесс заготовки и экспорта меха. Отмечая пристальный интерес к материальным аспектам, торговым практикам и экономическим процессам, исследование Инниса сложно назвать дегуманизированным. В нём уделялось внимание культурным факторам, социальным нормам, вопросам межэтнических взаимодействий, а некоторые выводы по этим аспектам можно назвать новаторскими для времени издания книги. Несмотря на политэкономическую проблематику работы, часть из них опосредованно вступали в полемику с распространёнными ранее в англоязычных исследованиях подходами к теме нациестроительства.

Среди ключевых отличий можно назвать высказанные в «Торговле мехом в Канаде» оценки, касавшиеся роли коренного населения Северной Америки в формировании канадской нации и государственности, а также динамики взаимодействия франко- и англоязычной общин. Отношения последних представали не как изначально строившиеся на дихотомии самодостаточных активных британских переселенцев и самоизолировавшихся традиционалистов-квебекцев. Как минимум, в рассматриваемом экономическом секторе фиксировались проявления сотрудничества, обусловленного природными условиями, и вполне конкурентного коммерческого соперничества.

На коренное население Северной Америки Иннис смотрел с нехарактерной для предшествовавшей историографии перспективы, не отводя им место лишь затруднявшего освоение новых территорий фактора или объекта цивилизаторской миссии. По его мнению, европейским переселенцам удалось заселить долину реки Святого Лаврентия и успешно продвигаться вглубь континента прежде всего благодаря восприимчивости к опыту и хозяйственным методам коренных народов. Такой подход заложил определённую культурную преемственность и придавал специфику процессу формирования канадской нации, хотелось признавать это доминировавшим в обществе потомкам европейских мигрантов или нет. «Мы ещё не осмыслили, насколько значительную роль сыграли индейцы и их культура в процессе развития канадских общественных

[2] Innis H. A. The fur trade in Canada: an introduction to Canadian economic history. New Haven: Yale University Press, 1930.

институтов», — отмечал исследователь в выводах своей работы[3]. Стоит отдать должное и тому, что Гарольд Иннис стал одним из первых, кто не избегал освещения негативных последствий соприкосновения цивилизаций, например ожесточения характера конфликтов между коренным населением и сокращения популяции промысловых животных из-за ввоза огнестрельного оружия, распространения нехарактерных для континента болезней и алкоголизма[4].

Размышления Гарольда Инниса о прогрессивном характере торговой колонизации Канады, обусловившей её общественные институты, нашли отклик у младших коллег и оказали влияние на их исследования. Среди них можно назвать Дональда Крейтона, Артура Лоуэра, Уильяма Мортона и Джеймса Карелеса, которых историография объединяет в неформальную «лаврентийскую школу», по причине исследовательского интереса к долине реки Святого Лаврентия как места, в котором начался процесс формирования Канады [Berger, 1986, p. 241–243]. Первые заметные работы этих историков тяготели к политэкономии [Creighton, The Commercial, 1937; Lower, Settlement, 1936], однако в дальнейшем окончательно сконцентрировались на вопросах становления национального государства [Creighton, 1944; Lower, Colony, 1946; Careless, 1953; Morton, 1961]. К 1940-м гг. они уверенно составляли конкуренцию предшествовавшему поколению исследователей, которые делали акцент на трансформации политических институтов и юридической фиксации роста независимости доминиона, не проводя глубокого анализа социальных аспектов [Martin, 1929; Dafoe, 1935]. Нельзя сказать, что «лаврентийцы» полностью переориентировались, поместив их в центр внимания. Тем не менее вне зависимости от проблематики и задач их конкретных работ «присутствие» человека наравне со структурами и институтами гораздо ощутимее. А внутри конкретных сюжетов вновь и вновь появлялся образ представителя канадской нации, обладавший вполне конкретными чертами характера, преподносившимися как отличительные и типичные.

Ключевые элементы образа канадской нации

После предшествовавшего этапа научного развития, характеризовавшегося отсутствием внутри англоязычной историографии консенсуса относительно того, кого считать канадцем, формирование этого представления свидетельствовало о новом этапе развития национального самосознания. Интерес представляет то, при помощи каких средств исследователи формировали образ представителя нации, который должен был успешно сочетать в себе универсальность с уникальностью, при этом подчёркивать отличие от британцев и американцев.

Если полностью отмежеваться от наследия метрополии не представлялось возможным, то считалось допустимым подчёркивать положительные аспекты преемственности. В первую очередь — приверженность развитой политико-правовой системе, основанной на передовых британских принципах. Восприятие доминиона как пространства эффективной законности обуславливало законопослушность канадцев, доверие к государству как гаранту соблюдения прав и свобод[5]. Однако даже это по прошествии времени не давало основания поставить знак равенства между англоканадцами и британцами, поскольку «Новый Свет неизбежно меняет институты Старого, придавая им новые формы и дух», порождённые «в чаще североамериканских лесов»[6].

Происхождение от «англо-саксонской расы» и процесс освоения территории североамериканского континента очевидно роднили Канаду с США, вызывая симпатию к общему посылу идеи фронтира, подразумевавшей непрерывный процесс адаптации к окружающей среде, обуславливавший накопление «объективных» отличий. Но в отражении канадской историографии сущность, а значит и последствия продвижения на запад, у них и соседей по континенту имели принципиальные отличия. «Лаврентийцы» признавали демократизм, изобретательность и стойкость общим наследием условий жизни в зоне фронтира. При этом противопоставляли свойственные Канаде прогрессивные формы торговли и аграрную общинность, породившие склонность к компромиссу и сотрудничеству, подчёркнуто героическому освоению Дикого Запада с его рискованным идеализмом и жестокостью [Careless, 1990, p. 110–112].

В интерпретации данной историографической школы причины этого расхождения коренились в разном отношении к трансформирующему воздействию фронтира [Careless, 1990, p. 115]. Американцы представлялись им окраиной европейской цивилизации, направляемой её захватническими

[3] Innis H. A. The fur trade in Canada: an introduction to Canadian economic history. P. 397.

[4] Ibidem. P. 19–21.

[5] Ibidem. P. 401.

[6] Lower A. R.M. Colony to Nation: a history of Canada. Toronto, 1946. P. 48.

планами и вступавшей в контакт с коренным населением только в случае крайней необходимости. Это предопределило формирование их нации на основе переосмысления культуры Старого Света, без восприятия принципиально новых элементов. Более суровые природные условия Канады, малочисленность первых переселенцев и фактическое отсутствие поддержки прародины сделали сотрудничество с коренным населением вопросом выживания и предопределили большую открытость к их культуре. На основе этого делался вывод о том, что канадская нация точно не может рассматриваться как «копия» более старых европейских, просто воссозданная на другом континенте, в том числе за счёт усвоения черт, свойственных жителям Нового Света.

Конечно, необходимо сделать оговорку, что взаимоотношения англо- и франкоканадцев с индейцами на деле не всегда являлись столь взаимоуважительными и плодотворными, как в описании историков, особенно по мере продвижения зоны фронтира вглубь континента. Тем не менее, столь существенное изменение точки зрения в историографии — от стремления к игнорированию участия этнической группы в процессе нациестроительства до обозначения её одним из источников ключевых особенностей, представляет интерес само по себе.

В процессе оформления собственного историографического подхода, центральной фигурой работ «лаврентийской школы» стали торговцы пушниной, начало деятельности которых запустило экономические процессы и создало социальные предпосылки для формирования канадской нации. Обращение к данному образу являлось перспективным в условиях распространения гражданской модели национализма: заготовкой пушнины занимались переселенцы и французского, и британского происхождения. Начиная с Инниса, авторам удавалось довольно убедительно прибегать к пролепсису, наделяя это профессиональное сообщество чертами, к которым сформировалось устойчиво позитивное отношение в канадском обществе[7]. Среди них можно выделить терпимость, уважение к власти и готовность к сотрудничеству, склонность к практичной простоте быта и стремление к хозяйственной эффективности[8].

В качестве условия, придававшему этому комплексу черт своеобразие и статус национального характера, выступало нахождение доминиона в северных широтах[9]. Изначально воспринимавшийся прежде всего как преграда на пути освоения и развития, к 1920–30-м гг. холодный климат Канады окончательно вошёл в круг факторов, значимых для процесса формирования национальной идентичности [Акимов, 2012, с. 199]. Им подчёркивалось отличие от США, объяснялась физическая крепость населения и свойственная ему рассудительность, суровая природа считалась барьером на пути в страну мигрантов, настроенных на авантюры и быстрое обогащение, а не упорный труд.

Заключение

Канадской общественно-политической мысли 1920–1930-х гг. удалось успешно справиться с задачей формирования основ образа молодой нации в условиях ограниченного историко-культурного материала, значительная часть которого уже была задействована ранее британским и американским национализмом. «Лаврентийская школа» обосновывала самодостаточность и уникальность канадской нации, опираясь на сочетание географических и экономических факторов. Основанные на них аргументы приводились в качестве опровержения точки зрения на современное им состояние доминиона исключительно как на последствие случайностей, вызванных Американской революцией, французским изоляционизмом или расширением Британской империи. Стремясь определить отличительные черты сообщества, «лаврентийцы» внесли вклад в формирование представлений о национальном характере и конструирование консолидирующих персонифицированных образов. Ключевым из них стали торговцы пушниной, являвшиеся одновременно олицетворением их близости канадцев с природой и приписываемых им положительных черт, в числе которых назывались законопослушность, демократичность, готовность к компромиссу и упорство. Одновременно с этим участники трансатлантической торговли мехом представали инициативными организаторами процесса сложной и сохранявшей эффективность коммерческой деятельности, что позволяло отмежеваться от восприятия Канады как сырьевого придатка европейских держав, инертно следовавшего их целям.

[7] Innis H. A. Ibidem. P. 407.

[8] Lower A. R.M. The Origins of Democracy in Canada // Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association / Rapport de l'assemblée annuelle de la Société historique du Canada. 1930, 9(1). P. 65–70.

[9] Creighton D. Dominion of the North. A History of Canada. Boston, 1944. P. 80–83.

Список литературы

1. Акимов Ю. Г. Франко-канадский / квебекский национализм и зарождение квебекской парадипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2020. № 2 (24). С. 225–238.

2. Акимов Ю. Г. «Истинный север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 197–201.

3. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX — первая четверть XX веков). Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 1996. 219 с.

4. Ерёменко К. С. «Страна, ищущая себя»: вопрос о статусе канадской нации в дискурсе канадских интеллектуалов 1950–1960-х гг. // Канадский ежегодник. 2018. № 22. С. 57–68.

5. Кукушкин В. Е. Из истории канадской национальной идеи первой трети XX века: Джон Скривнинг Юарт (1849–1933) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия I: История. 1999. № 1. С. 109–116.

6. Нохрин И. М. Смысловое наполнение понятий «канадская нация» и “канадский национальный характер”, и особенности канадского национального дискурса второй половины XIX в // Вестник Российской нации. 2014. № 4 (36). С. 80–92.

7. Нохрин И. М. Исторические этапы развития канадской национальной идентичности в XIX–XX вв. // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования : Межвузовский сборник научных трудов ; под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. Курск, 2018. № 15. С. 60–71.

8. Соков И. А. Канада в системе международных отношений в период либерального правительства М. Кинга // Вестник ВолГ У. 2007. Серия 4. Вып. 12. С. 90–100.

9. Соков И. А. Решение «Канадского вопроса» в политическом треугольнике (У. Лорье, А. Бурасса, Р. Борден) в начале XX в // Вестник БГУ. 2016. № 1 (27). С. 107–112.

10. Berger C. The writing of Canadian history: aspects of English-Canadian historical writing since 1900. Toronto: University of Toronto Press, 1986. 364 p.

11. Careless JMS. Canada: A Story of Challenge. Toronto: MacMillan, 1953. 417 p.

12. Careless JMS. Frontierism, Metropolitanism, and Canadian History // Careless at Work. Selected Canadian Historical Studies by J.M.S. Careless. Toronto and Oxford: Dundurn Press, 1990. Pp. 105–131.

13. Creighton D. Dominion of the North. A History of Canada. Boston Houghton Mifflin Company, 1944. 535 p.

14. Creighton D. The Commercial Empire of the St. Lawrence. New Haven: Yale University Press, 1937. 441 p.

15. Lower ARM. Colony to Nation: a history of Canada. Toronto: Longmans, Green & Company, 1946. 600 p.

16. Lower ARM. Settlement and the Forest Frontier in Eastern Canada. Toronto: MacMillan, 1936. 424 p.

17. Martin Ch. Empire and Commonwealth: Studies in Governance and Self-Governance in Canada. Oxford: Clarendon Press, 1929. 424 p.

18. Dafoe JW. Canada, an American Nation. New York: Columbia University Press, 1935. 134 p.

19. Morton WL. The Canadian Identity. Madison: The University of Wisconsin Press, 1961. 162 p.

References

1. Akimov YuG. French-Canadian / Quebec nationalism and the emergence of the Quebec paradiplomacy. *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii = Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia*. 2020;(2(24):225-238. (In Russ.).

2. Akimov YuG. “The True North, strong and free”: the factor of Northernness in the formation of Canadian national identity. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*. 2012;(1):197-201. (In Russ.).

3. Grudzinskij VV. Na povorote sud′by: Velikaya Britaniya i imperskij federalizm (poslednyaya tret′ XIX — pervaya chetvert′ XX vekov) = At the turn of Fate: Great Britain and Imperial Federalism (the last third of the 19th — first quarter of the 20th centuries). Chelyabinsk: Chelyab. State un-ty; 1996. 219 p. (In Russ.).

4. Eremenko KS. “A Country looking for itself”: the question of the status of the Canadian Nation in the discourse of Canadian intellectuals of the 1950s and 1960s. *Kanadskij ezhegodnik = Canadian Yearbook*. 2018;(22):57-68. (In Russ.).

5. Kukushkin VE. From the history of the Canadian national Idea of the first third of the 20th century: John Scrivening Ewart (1849–1933). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I: Istoriya = Bulletin of the Chelyabinsk State University, series I: History*. 1999;(1):109-116. (In Russ.).

6. Nokhrin IM. Semantic content of the concepts “Canadian nation“ and “Canadian national character”, and features of the Canadian national discourse of the second half of the 19th century. *Vestnik Rossijskoj natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2014;(4(36):80-92. (In Russ.).

7. Nokhrin IM. Historical stages of the development of Canadian national identity in the 19th — 20th centuries. In: Amerikanistika: Aktual′nye podkhody i sovremennye issledovaniya Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov = American Studies: Current approaches and modern research Interuniversity Collection of scientific papers. Ed. by T.V. Alent′eva, M.A. Filimonova. Kursk; 2018;(15):60-71. (In Russ.).

8. Sokov IA. Canada in the system of international relations during the period of the liberal government of M. King. *Vestnik VolGU = Bulletin of the Bulletin of Volgograd State University*. 2007;(4(12):90-100. (In Russ.).

9. Sokov IA. The solution of the “Canadian question” in the political triangle (W. Laurier, A. Bourassa, R. Borden) in the early twentieth century. *Vestnik BGU = Bulletin of BSU*. 2016;(1(27):107-112. (In Russ.).

10. Berger C. The writing of Canadian history: aspects of English-Canadian historical writing since 1900. Toronto: University of Toronto Press 1986. 364 p.

11. Careless JMS. Canada: A Story of Challenge. Toronto: MacMillan; 1953. 417 p.

12. Careless JMS. Frontierism, Metropolitanism, and Canadian History. Careless at Work. Selected Canadian Historical Studies by J.M.S. Careless. Toronto and Oxford: Dundurn Press; 1990. Pp. 105-131.

13. Creighton D. Dominion of the North. A History of Canada. Boston Houghton Mifflin Company; 1944. 535 p.

14. Creighton D. The Commercial Empire of the St. Lawrence. New Haven: Yale University Press; 1937. 441 p.

15. Lower ARM. Colony to Nation: a history of Canada. Toronto: Longmans, Green & Company; 1946. 600 p.

16. Lower ARM. Settlement and the Forest Frontier in Eastern Canada. Toronto: MacMillan; 1936. 424 p.

17. Martin Ch. Empire and Commonwealth: Studies in Governance and Self-Governance in Canada. Oxford: Clarendon Press; 1929. 424 p.

18. Dafoe JW. Canada, an American Nation. New York: Columbia University Press; 1935. 134 p.

19. Morton WL. The Canadian Identity. Madison: The University of Wisconsin Press; 1961. 162 p.

Информация об авторе

О. В. Ильина — кандидат исторических наук, учитель истории, Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одарённых детей.

Information about the author

O. V. Ilina — Candidate of Historical Sciences, history teacher at the Chelyabinsk Regional Boarding School for Gifted Children.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования и принята к публикации 19.05.2026.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing and accepted for publication 19.05.2026.